

© 2000 г. Г.К. ВЕРНЕР

СЛОЖНЫЕ АТРИБУТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ЕНИСЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Как в свое время отметил А.П. Дульзон со ссылкой на работу М.А. Кастрена [Castrén 1858], в кетском языке в роли прилагательного может выступить любое существительное в основном или лишительном падеже, если оно поставлено перед другим существительным (сур.¹ *i's' a:je* "рыбный мешок", кур. *ta² u'l'* "соленая вода", кур. *tu'l'a s'ajnik* "медный чайник", сур. *ta²j kə'te* "холодная, морозная зима", югск. *χəgdi bej* "осенний ветер", бак. *s'i'l' ekη* "летние дни" и т.д.), равно как и всевозможные глагольные формы в позиции непосредственно перед существительным (кур. *kas'enimin kε²t* "приемыш" < *kas'enimin* "они его взяли" + *kε²t* "человек"; *bil əη bu'l'* *ärat* "распухшая нога болит" < *bu'l' bil'əη* "нога распухла" + *ärat* "болит" и т.д.) [Дульзон 1964: 89–90]. Если в первом случае можно говорить об обычных атрибутивных композитах (*i's' a:je* "рыбный мешок" < *i's'* "рыба" + *a:je* "мешок"; кур. *ta²ul' / ta²ul'* "соленая вода" < *ta²* "соль" + *u'l'* "вода" и т.д.), широко распространенных в енисейских языках, то в последнем представлены конструкции со сложными атрибутами, типологически сходными с так называемыми *komplexe Attribute*, по Й. Дени [Deny 1921: § 354] и Г. Дейтерсу [Deeters 1952: 47–62], в других языках, ср. турецк. *ol oturur jer* "место, где он сидит" (досл. "он-сидеть-место"); япон. *ashi no nagai hito* "длинноногий человек" (досл. "ноги-длинный-человек"). В енисейских языках встречаются самые разнообразные конструкции подобного типа, содержащие в большинстве случаев сложные прилагательные, причастия или финитные глагольные формы в атрибутивной функции. Из наиболее часто встречающихся образцов таких конструкций в кетском и югском языках можно привести следующие:

(1) прилагательное + существительное + существительное:

кет. *həl'-hut-ti'p*, югск. *fəl-fut-čip* "короткохвостая собака", досл. "короткий-хвост-собака" (ср. кет. *tu'r' ti'p həl'-hut-s'i*, югск. *tuda čip fəl-fut-si* "эта собака короткохвостая"); кет. *həl'aη-bul'aη-kε²t*, югск. *fəliη-buliη-kε²t* "коротконогий человек", досл. "короткие-ноги-человек" (ср. кет. *tu'r' kε²t həlaη-bul'aη-s'i*, югск. *tu't kε²t fəliη-buliη-si* "этот человек коротконогий"); кет. *qä-kajga-ollas*, югск. *χε²-č-i?-ollas* "большеголовый олененок", досл. "большая-голова-олененок"; кет. *qeq-kljgen'-ollasn*, югск. *χeq-čl'η-ollasin* "большеголовые олени", досл. "большие-голова-олени"; кет. *ollas qä-kajga-s'*, югск. *ollas χε²-č-i-si* "оленок большоголового"; кет. *ollasn qeq-kljgen'-s'in*, югск. *ollasin χeq-čl'η-sin* "олени большоголовые";

¹ Сокращения: бак. – говор Бакланихи, кел. – говор Келлога, кет. – кетский язык, кур. – говор Курейки, скет. – севернокетский, сур. – говор Сургутихи, чук. – чукотский язык, югск. – югский (сымский), юкет. – южнокетский.

(2) числительное + существительное + существительное:

кет. *qus'-s'il'-da:n'*, югск. *χus-sir-daχin* "однолетняя трава", досл. "одно-лето-трава" (ср. кет. *tur'e da:n' qus'-s'il'-s'i*, югск. *tuda daχin χus-sir-si* "эта трава одно-летняя"); кет. *in-qon-bəgdəm*, югск. *in-χon-bəgdəm* "двухствольное ружье", досл. "два-рта-ружье" (ср. кет. *tur'e bəgdəm in-qon-s'*, югск. *tuda bəgdəm in-χon-si* "это ружье двухствольное", досл. "с двумя ртами"); кет. *dəʔŋ-s'ikŋ-ti'p*, югск. *dəʔŋ-s'ikŋ-čip* "трехгодовая собака", досл. "три-года-собака" (ср. кет. *tu'r' ti'p dəʔŋ-s'ikŋ-s'i*, югск. *tuda čip dəʔŋ-s'ikŋ-si* "эта собака трехгодовая"); кет. *ki-kilogram-ti's'*, югск. *ki²-kilogram-čičis* "камень весом сто килограмм", досл. "сто-килограмм-камень" (ср. кет. *tur'e ti's' ki-kilo-gram-s'*, югск. *tuda čičis ki²-kilogram-si* "этот камень стокилограммовый");

(3) наречие + причастие + существительное:

кет. *aqta-dēs'tij-kljket*, югск. *aχta-dēs'tə-kljket* "хорошо стреляющий охотник" (ср. кет. *tu'r' kljket aqta-dēs'tij-s'*, югск. *tu't kljket aχta-dēs'tə-si* "этот охотник хорошо стреляющий"); кет. *dlqte-l'əvet-kē't*, югск. *dlχti-rəbət-kē't* "быстро работающий человек" (ср. кет. *tu'r' kē't dlqte-l'əvet-s'*, югск. *tu't kē't dlχti-rəbət-si* "этот человек быстро работающий");

(4) существительное + послелог + существительное:

кет. *qo-t-hitiŋa-kē't* "подо льдом (находящийся) человек", досл. "льда-под-человек" (ср. кет. *tu'r' kē't qo-t-hitiŋa-s'* "этот человек подо льдом"; *qo'* "лед", род. пад. *qo-t*); кет. *l'am-d-hitka-i:t* "под столом (находящийся) чуман (емкость из бересты)", досл. "стола-под-чуман" (ср. кет. *tur'e i:t l'am-d-hitka-s'* "этот чуман под столом"); кет. *aj-t-hijga-naʔn'* "в мешке (находящийся) хлеб", досл. "мешка-нутре-хлеб" (ср. кет. *tur'e naʔn' aj-t-hijga-s'* "этот хлеб в мешке"); юкет. *haj-da-itił'ga-iŋGus'* "возле кедра (находящийся) дом", досл. "кедра-возле-дом" (ср. юкет. *tur'e iŋGus' haj-da-itił'ga-s'* "этот дом возле кедра");

(5) существительное + существительное + существительное:

кет. *qol'er-hlŋŋ-kē't* "однорукий человек", досл. "половина-рука-человек" (ср. кет. *tu'r' kē't qol'er-hlŋŋ-s'* "этот человек однорукий"); югск. *χolap-des-kē't* "одноглазый человек", досл. "половина-глаз-человек" (ср. югск. *tu't kē't χolap-des-si* "этот человек одноглазый"); югск. *ur-baŋ-baʔŋ* "болотистое место", досл. "вода-земля-земля" (ср. югск. *tuda baʔŋ ur-baŋ-si* "это место болотистое");

(6) существительное + причастие + существительное:

кет. *bək-l'aŋ-aʔq < bək-il'aŋ-aʔq* "горелые дрова", досл. "огонь-поеденный-дрова"; югск. *bəg-d-iriŋ-aʔχ* "горелые дрова", досл. "огня-поеденный-дрова" (ср. кет. *tur'e aʔq bək-l'aŋ-s'*, югск. *tuda aʔχ bək-d-iriŋ-si* "эти дрова горелые");

(7) финитный глагол + существительное:

югск. *tu't itare-kē't*, кет. *tu'r' ital'am-kē't* "этот человек, (который) знает" / "этот знающий человек", досл. "этот он-знает-человек" (ср. югск. *bu itare-si*, кет. *bu ital'am-s'i* "он – знающий"); скет. *bən'-des'ə-ɣalein-kē't* "человек, (которого) не звали", досл. "они-его-не-позвали-человек" (ср. скет. *buŋ bu bən' des'əɣalein* "они его не позвали"); скет. *bən'-tɬ:l'beravej-dēʔ* "незамерзающее озеро", досл. "оно-незамерзает-озеро" (ср. скет. *ki'e dēʔ bən' tɬ:l'beravej* "это озеро не замерзает");

(8) наречие + финитный глагол + существительное:

юкет. *aqta-himbavet-iŋGus'* "хорошо построенный (сделанный) дом" / "дом, (кото-

рый) хорошо построен (сделан)", досл. "хорошо-это-сделано-дом" (ср. юкет. *tur'e iŋGus' aqta bimhavet* "этот дом хорошо сделан"); *i'nam-tɬajaŋit-i's'* "давно засоленная рыба" / "рыба, (которая) давно засолена", досл. "давно-засолено-рыба" (ср. юкет. *tur'e i's' tɬajaŋit* "эта рыба засолена");

(9) существительное + послелог + финитн. глагол + существительное:

юкет. *dil'tij-d-dəŋt-bimhavet-ha'γ* "бревно, (которое) сделано как обласок" / "обласком сделанное бревно", досл. "для обласка сделано-это-бревно" (ср. юкет. *tur'e dil'tij qo't bimhavet* "этот обласок уже сделан"); сур. *kərsək(t)-dəŋt bimhajeve-ti's'* "наподобие горшка сделанный камень" [Дульзон 1968: 94], досл. "для горшка сделано-это-камень" (ср. сур. *kərsək bimhajeve* "горшок сделан").

Что касается конструкций с финитными глагольными формами в атрибутивной функции, то они, как можно заключить уже по некоторым вышеприведенным переводам, замещают в енисейских языках определительные предложения, напоминающие явления типа япон. *kuru hito* "лицо, которое придет", досл. "придет лицо"; *kita hito* "лицо, которое пришло", досл. "пришло лицо" [Jacobi 1897: 27]. Правда, в отдельных случаях определительные предложения в кетском вводятся с помощью местоименных слов *as' / as'es'* "какой" и *qo'r', qər'e, qən'e* "который, которая, которые": кет. *bu ker'as' uŋən, as'es' qər'es' di'mbes'*. "Она ушла с человеком, который (какой) вчера пришел"; *Ollas diŋən'hes'in, as'es' bu'ŋ l'es'ka dən'hʌŋn*. "Они привели олененка, которого (какого) они в лесу нашли", *Un'əŋdɪŋta i's' bən's'aŋ, a kʌjgan (us'aŋ), qər'e ba:t bən' dbi'l'*. "В сети не было рыбы, а головы (были), которые старик не ел"; *Bil'de dɛ'ŋ kedda qəŋ itaŋl'am, qo'r' turə di'mbes'*. "Все люди знают человека, вот этого, который пришел"; *Qi'm, qər'e uŋaŋa bat dasa:nil'het, tur'e dai'mbes'*. "Женщина эта пришла, о которой я тебе говорил". Но подобные случаи для кетского в целом нетипичны, и язык, как правило, использует атрибутивные конструкции с финитными глагольными формами: *Qər'es' atn (t)l'əverəl'betin haŋdɪŋa, kɛ't di'mbes'*. "К месту, на котором мы вчера работали, человек пришел" [Гришина 1981: 93], досл. "Вчера мы работали месту, человек пришел"; *Qər'es' daŋGej is'naŋa, dijaq*. "Схожу к рыбе, которую я вчера поймал" [Дульзон 1962: 23], досл. "Вчера я убил рыбам, пойду"; бак. *Qukdiŋ igde tahodaRen' s'a:s'*. "Реки, которые впадают в Енисей", досл. "В Енисей вниз падают реки"; *At ap dutoRət bis'ep ts'itejqaŋit*. "Я своего брата бужу, который спит", досл. "Я своего он спит брата бужу"; *At tkas'ənem aŋen bən' ital'em qəpt*. "Я поймал быка-олень, который не приручен" [Дульзон 1968: 93–94; Валл, Канакин 1990: 67], досл. "Я поймал веревки он не знает бык-олень" и т.д.

Возможно, определительные предложения с местоименными словами типа вышеприведенных представляют собой позднюю инновацию, возникшую в результате кетско-русского билингвизма под воздействием русских речевых образцов; впрочем, и в предложениях с указанными местоименными словами может быть представлена атрибутивная конструкция с финитной глагольной формой (кет. *dəŋən'hʌŋn qəgdɪ qən'e əŋən dɛ'ŋ* "они нашли их, людей, которые осенью ушли", досл. "они нашли их, осенью которые ушли люди"), что тоже подтверждает инновационный характер определительных предложений в кетском языке. В типологическом отношении енисейские языки в целом напоминают в этом отношении языки с порядком слов SOV, в которых определение, даже если оно замещает собой определительное придаточное предложение, всегда предшествует определяемому существительному [Greenberg 1968: 107–109].

К атрибутивным конструкциям с финитными глагольными формами восходит и зависящая часть широко распространенных в кетском языке полипредикативных образо-

ваний со словом *baʔŋ* "место, местность, земля" или его падежными формами *baŋdiŋa* (датив), *baŋdita* (бенефактив), *baŋdiŋal* (аблатив), *baŋdiŋta* (адессив), используемыми в качестве скрепы, независимо от того, сохраняется ли локальное значение этого слова, или оно уже приобрело темпоральное значение [Гришина 1979: 18–21]: юкет. *Hissijdiŋa hiven' dijaq, ajti qəj tajga baʔŋ*. "Я еще не схожу в лес, где страшный медведь ходит" / "Я еще не схожу в лес на место, где страшный медведь ходит", досл. "Я еще не схожу в лес, страшный медведь ходит место"; *Ba:t dəl'daq baʔŋ, e'n aʔq dəl'aŋti:n*. "На месте, на котором старик жил, теперь деревья выросли", досл. "Старик жил место, деревья выросли"; *Bis'eŋ s'εʔn us'aŋbaŋga (baŋdiŋta), s'ɔ:ŋ deʔŋ duʔ daver'än'*. "Где олени есть, там люди дымокур (дым) кладут" / "В местности, в которой есть олени, люди дымокуры (дым) кладут", досл. "Где олени есть в местности, люди дымокуры кладут"; кел. *Bu tqujaq iŋGus'diŋa, hur'a beʔj duɣaraq baʔŋ*. "Он вошел в дом, где живет его друг" [Гришина 1979: 19], досл. "Он вошел в дом, его друг живет место"; кел. *Kəs'aŋ dis'qoɣol'bet, i' r'atulɔraq baŋdiŋa*. "Я рыбачил на той стороне, пока солнце не зашло" [Гришина 1979: 21], досл. "Я рыбачил на той стороне, солнце зашло время / место" и т.д.

Как показывают вышеприведенные примеры к образцам №№ 1–6, в предикативном употреблении сложные прилагательные и причастия получают нейтральный в отношении лица и класса предикативный суффикс кет. *-s' / -s'i* (pl. *-s'in*), югск. *-si* (pl. *-sin*), который, впрочем, относится ко всему предшествующему сложному образованию, подчеркивая его монолитность как композита: кет. *taʔm-kljga-s'* "белоголовый" (*taʔm* "белый", *kljga* "голова"), югск. *fɔmil'iŋ-xat-si* "мягкошерстный" (*fɔmil'iŋ* "мягкий", *xaʔt* "шерсть"), кет. *bəl'aŋ-l'əŋŋ-s'* "толстогубый" (*bəʔl'*, pl. *bəl'aŋ* "толстый"; *l'o'n*, pl. *l'əŋŋ* "губа"), югск. *ugdi-ɔlin-si* "длинноносый" (*ugdi* "длинный", *ɔlin* "нос"), кет. *qä-kl'et-s'i* "крикун" (субстантивированная форма), досл. "с большим горлом" (*qä* "большой", *kl'et* "горло"), югск. *xeil'-battat-si* "широколицый" (*xeil* "широкий", *battat* "лицо") и т.д. Правильность данного предположения подкрепляется тем, что в образованиях, в которых крайнюю правую позицию занимает существительное, перед предикативным суффиксом кет. *-s' / -s'i* (pl. *-s'in*), югск. *-si* (pl. *-sin*) может употребляться словообразовательный суффикс прилагательных кет. *-tu*, югск. *-čouŋ*, и в результате возникают параллельные формы, ср.: югск. *imda-iŋŋ-si / imda-iŋŋ-čouŋ-si* "мелкозубый" (*imda* "маленький, мелкий", *iʔ:t*, pl. *iŋŋ* "зуб"), *fɨ:škej-xo-si / fɨ:škej-xo-čouŋ-si* "криворотый" (*fɨ:škej* "кривой", *xo* "рот"), кет. *dlqte-des'-s'i / dlqte-des'-tu-s'* "быстроглазый" (*dlqte* "быстро, быстрый", *de's'*, pl. *des'* "глаз"), кет. *ugde-klqte-s' / ugde-klq-te-tu-s'* "длинношей" (*ugde* "длинный", *klqte* "шея"). Любопытно, что такие параллельные формы могут в предикативном употреблении принимать не только вышеуказанный безличный нейтральный предикативный суффикс кет. *-s' / -s'i*, югск. *-si*, но и личные предикативные суффиксы. В качестве примера приведем следующие югские парадигмы со сложным прилагательным "мелкозубый":

1-е л. ед. ч.	<i>imda-iŋŋ-diʔ</i>	<i>imda-iŋŋ-čouŋ-diʔ</i>
2-е л. ед. ч.	<i>imda-iŋŋ-guʔ</i>	<i>imda-iŋŋ-čouŋ-guʔ</i>
3-е л. ед. ч. (m)	<i>imda-iŋŋ-duʔ</i>	<i>imda-iŋŋ-čouŋ-duʔ</i>
3-е л. ед. ч. (f)	<i>imda-iŋŋ-daʔ</i>	<i>imda-iŋŋ-čouŋ-daʔ</i>
1-е л. мн. ч.	<i>imda-iŋŋ-dʌ:ŋ</i>	<i>imda-iŋŋ-čouŋ-dʌ:ŋ</i>
2-е л. мн. ч.	<i>imda-iŋŋ-gʌ:ŋ</i>	<i>imda-iŋŋ-čouŋ-gʌ:ŋ</i>
3-е л. мн. ч.	<i>imda-iŋŋ-a:ŋ</i>	<i>imda-iŋŋ-čouŋ-a:ŋ</i>

Следует заметить, что существительные не могут в предикативном употреблении получать предикативные суффиксы [Werner 1997: 305–306]. Приведенные М.А. Кастреном [Castren 1858: 100–103] формы

<i>uob-di</i>	"я – отец"	<i>uob-daŋ</i>	"мы – отцы"
<i>uob-gu</i>	"ты – отец"	<i>uop-kaŋ</i>	"вы – отцы"
<i>uob-du</i>	"он – отец"	<i>uob-aŋ</i>	"они – отцы"

никто из современных информантов-кетов и информантов-югов не подтвердил, приводя лишь предложения типа *At o'p*. "Я – отец", *Bu o'p*. "Он – отец", *ŋtn ohaŋ*. "Мы – отцы", *Buŋ ohaŋ*. "Они – отцы" и т.д. В случае образования простых прилагательных от существительных способом транспозиции последние могут употребляться с безличным предикативным суффиксом кет. *-s' / -s'i*, югск. *-si*, напр., кет. *qim-s'* "женский" (ср. *qim* "женщина"), *l'am-s'* "плоский" (ср. *l'am* "доска"), *s'il'-s'* "летний" (ср. *s'il'* "лето"), югск. *si-si* "ночной" (ср. *si* "ночь"), *χəgdī-si* "осенний" (ср. *χəgdī* "осень"), но при их оформлении личными предикативными суффиксами они непременно получают словообразовательный суффикс прилагательных кет. *-tu*, югск. *-čouŋ*: кет. *qim-tu-du* "он женат", *qim-tu-gu* "ты женат", *qim-tu-di* "я женат" и т.д. (*qim* "женщина, жена"). В то же время личные предикативные суффиксы легко присоединяются к некоторым падежным формам существительных и местоимений, например, к формам лишительного падежа, локатива и адессива: кет. *bu qim-an-du* "он не женат" (*qim* "женщина", *qim-an* "без женщины"), *avaŋta-ŋaŋ* "вы у меня" (*at* "я", *avaŋta* форма адессива "у меня"), *qus'-ka-ŋu* "ты в чуме" (*qu's* "чум", *qus'-ka* форма локатива "в чуме"), югск. *obdaŋte-ru* "он у отца" (*o'p* "отец", *obdaŋta* форма адессива "у отца"), *deŋnaŋt-am* "это у людей" (*deŋ* "люди", *deŋnaŋta* форма адессива "у людей").

Рассмотренные выше сложные атрибутивные конструкции в енисейских языках, с другой стороны, типологически напоминают соответствующие образования в чукотско-камчатских языках. В последних, а именно в чукотском языке, П.Я. Скорик, как известно, различал именные и глагольные инкорпорационные комплексы [Скорик 1961: 98–102], и то, что он писал по этому поводу, можно в равной мере отнести и к енисейским языкам. В них, как и в чукотском языке, в зависимости от включающего слова инкорпорационные комплексы могут выражать атрибутивные, обстоятельственные или объектные отношения. Глагольный инкорпорационный комплекс с инкорпорированным наречием всегда выражает обстоятельственные отношения как в чукотском, так и в енисейских языках, ср.:

чук. *t-i-veŋgav-i-rkin* "говорю", но: *t-i-majŋ-i-veŋgav-i-rkin* "громко говорю" (*veŋgav-i-k* "говорить", *ni-meŋ-čəv* "громко", "сильно"); *t-i-tejk-i-rkin* "делаю", *t-čomr-i-tajk-i-rkin* "крепко делаю" (*tejk-i-k* "делать", "изготавливать", *n-čomr-čəv* "крепко");

кет. *di'-p-taŋ* "тащу это", *d-ʌl'a-p-taŋ* "я это наружу тащу" (*taŋ* "тащить", *ʌl'a* "наружу", *ʌl'ataŋ* "тащить наружу"); *da-bu-g-b-it* "она это несет", но: *da-aŋu-bu-g-b-it* "она это в лес (в сторону леса) несет" (*aŋu* "в сторону леса").

Инкорпорация существительного связана в чукотском с выражением объектных отношений в случае переходного глагола и обстоятельственных отношений в случае непереходного глагола:

чук. *t-i-pkir-i-rkin* "прихожу", *t-i-jara-pker-i-rkin* "домой прихожу" (*pikir-i-k* "приходить", основа *pikir / piker, pkir / pker*; *jara-ŋi* "дом", основа *jara*);

чук. *t-i-peŋ'a-rkin* "оставляю", *t-i-takečg-i-peŋ'a-rkin* "мясо оставляю" (*peŋ'a k* "оставлять", основа *peŋa*; *tekičg-i-n* "мясо", основа *tekičg / takečg*).

Ситуация в енисейских языках сложнее: здесь инкорпорирована основа суще-

ствительного или местоимения (например, вопросительного местоимения *akus'* "что") в одних случаях вытесняет из переходной глагольной формы объектный показатель, и глагольная форма становится интранзитивной, ср.: кет. *at qu's' di-b-bet* "я чум делаю" (в форме *di-b-bet* аффикс *-b-* – объектный показатель вещного класса), но *at t-qus'-s'ivet* "я чум делаю" ("я чумоделаю"); *at etn d-aŋ-s'ej* "я соболей добываю (убиваю)", *at etn d-aŋ-Gej* "я соболей добывал" (*-aŋ-* в формах *d-aŋ-s'ej*, *d-aŋ-Gej* – это объектный показатель 3-го лица, множ. числа, одуш. класса), но *at d-etn-Gej* "я добывал соболей" ("соболевал"); в других случаях при инкорпорировании существительного объектный показатель сохраняется, и глагольная форма остается транзитивной, инкорпорированный же компонент меняет семантику глагольного слова, указывая на вещество (материал), из которого что-то изготавливается, или на инструмент: кет. *at dɔ'n di-b-bet* "я нож делаю" – *at (d)-dɔn-s'ivet* "я нож делаю" ("я ноже-делаю"), но *at (d)-dɔn-u-ks'ivet* "я нож из этого делаю", *at (d)-dɔn-u-n'bet* "я нож из этого сделал" (с сохранением в словоформе наряду с инкорпорированным компонентом *-dɔn-* также объектного показателя вещного класса *-u-*); кет. *bu at dɔnas' du-t-tet* "он меня ножом бьет", но *bu at (d)-don-ba-tet* "он меня ножом бьет (колет)" (с сохранением в словоформе объектного показателя 1-го лица ед. числа *-ba-*²).

В глагольном инкорпорационном комплексе могут при дальнейшем его осложнении наряду с объектными отношениями одновременно выражаться и атрибутивные. Это происходит тогда, когда в глагольный инкорпорационный комплекс помимо обозначающей прямой объект основы имени существительного включена еще какая-либо именная основа (качественная, предметная или нумеративная) [Скорик 1961: 102]: чук. *t-i-pet-i-takeŋg-i-pel'a-rkin* "старое мясо оставляю" (*n-i-pet-i-qen* "старый"); ср. кет. *at t-s'el'-Gej* "я добыл (убил) оленя", но *at t-naŋ-s'el'-Gej* "я важенку (олениху) добыл" (*s'el'* "олень", *haŋs'el'* "важенка", досл. "самка-олень"); *at t-s'ajdɔ-ɣavet* "я чай пью", но *at t-qɔ-nɔks'-s'ajdɔ-ɣavet* "я пью утренний чай" ("я завтракаю").

В енисейских языках все так называемые сложные глаголы представляют собой инкорпорационные комплексы, и, если исходить из максимальной порядковой модели глагольных словоформ [Werner 1997: 154–155], то можно, очевидно, различать лишь между историческими образованиями, которые сегодня воспринимаются как устоявшиеся стабильные сложные глагольные формы, и современными инкорпорационными глагольными комплексами³, которые могут быть заменены синонимичными свободными глагольными словосочетаниями (ср. кет. *at t-qus'-s'ivet* / *at qu's' dibbet* "я чум делаю") и связаны, как полагал Е.А. Крейнович [Крейнович 1968; 1981], с актуальным членением предложения. По его мнению, в примерах типа *at qu's' dibbet* "я чум делаю" логическое ударение приходится на глагол, т.е. в данном примере на *dibbet* "делаю", а в инкорпорационном комплексе – на инкорпорированный объект, в данном примере на

² В зависимости от типа глагольного спряжения в кетском и югском в качестве объектного показателя 1-го лица ед. числа может появляться аффикс *-ba-* / *-bɔ-* (личные показатели группы Б) или *-di-* / *-t-* (личные показатели группы Д).

³ В основе тех и других лежит рамка прерывной глагольной основы, которая состоит из корневых элементов нулевого порядка и порядков 12 и 13 в составе общей порядковой модели глагольных словоформ ($R_3 + R_2 + \dots + R_1$):

14	13	12	11	10	9	8	7	6	5	4	3	2	1	0	-1	-2	-3																			
S	+	R ₃	+	R ₂	+	Der	+	Kau	+	Ver	+	S/O	+	Det	+	Per	+	T	+	I/O	+	A	+	Ver	+	S/O	+	Imp	+	R ₁	+	Der	+	Num	+	BE

(S – субъект, Der – деривационный аффикс, Kau – каузативный аффикс, Ver – версионный аффикс, O – объект, Det – детерминатив, Per – аффикс пермансива, T – время, I – инструмент, A – аспект, Imp – императив, Num – число субъекта, BE – скрепа в полипредикативном предложении).

-*qus'*-, что, однако, оспаривается в диссертационной работе З.В. Максунновой [Максуннова 1999: 15–18]. По ее мнению, в первом случае логическое ударение приходится не на *dibbet* "делаю", т.к. в таком случае исказился бы смысл всего высказывания ("делаю, а не ломаю чум"), а на прямой объект *qu's* "чум" как предполагаемый конечный результат совершаемого действия; во втором же случае оно, действительно, приходится на инкорпорированный компонент -*qus'*-, вытеснивший из глагольной формы объектный показатель -*b-*, но он выступает уже не как инкорпорированный прямой объект, а как элемент, уточняющий качественную характеристику действия – "чумоделание", а не "чумоломание".

Что касается именных инкорпорационных комплексов, в которых выражены своеобразные атрибутивные отношения, то, как отметил П.Я. Скорик, чаще всего в форму соответствующего имени существительного включается одна определяющая основа, хотя нередко можно встретить именные инкорпорационные комплексы с двумя, тремя, а в отдельных случаях – и с большим количеством включенных слов [Скорик 1961: 100]. Такая ситуация, впрочем, полностью соответствует и фактам енисейских языков. Сравним следующие примеры в чукотском и кетском языках:

чук. *ga-ŋelg-i-ma* "с ремнем" – *ga-tor-evl-i-ma* "с новым ремнем"; *ga-ri-pa-ma* "с молотом" – *ga-taŋ-majŋ-i-vikv-i-ri-pa-ma* "с хорошим большим каменным молотом" – *ga-ŋeran-tor-majŋ-i-vikv-i-ugde-ri-pa-ma* "с двумя новыми большими каменными молотами" [Скорик 1961: 100];

кет. *qaddoq-hol'aŋ-bul'aŋ-ass'en* "животные с очень короткими ногами" (*tuna ass'en qaddoq-hol'aŋ-bul'aŋ-s'in* "эти животные с очень короткими ногами"); *hln'a-haj-da-itiil'ga-iŋGus* "дом рядом с маленьким кедром" (*tur'e iŋGus' hln'a-haj-da-itiil'ga-s'* "этот дом рядом с маленьким кедром"); *s'in'-aj-t-hyjga-na'n* "(находящийся) в старом мешке хлеб" (*tur'e na'n s'in'-aj-t-hyjga-s'* "этот хлеб в старом мешке") и т.д.

Тем не менее, может возникнуть вопрос, действительно ли сложные атрибуты образуют в таких случаях вместе с определяемым именем существительным монолитное целое – именной инкорпорационный комплекс? Истолкование фактов енисейских языков, в частности, кетского и югского, в духе П.Я. Скорика подкрепляется тем, что всему именному инкорпорационному комплексу может предшествовать посессивный личный префикс, образующий с определяемым именем существительным рамку инкорпорационного комплекса, внутри которой размещается определяющая часть: кет. *da-ugdeŋ-bul'aŋ-s'el* "его длинноногий олень", *na-hol-hut-ti'p* "их короткохвостая собака", *da-sin'-aj-t-hyjga-na'n* "его (находящийся) в старом мешке хлеб", *na-qaddoq-hol'aŋ-bul'aŋ-ass'en* "их очень коротконогие животные", *da-hln'a-haj-da-itiil'ga-iŋGus* "его возле маленького кедра (находящийся) дом" и т.д. Правда, статус посессивных префиксов порой подвергался сомнению, их рассматривали как усеченные формы соответствующих посессивных местоимений, что в принципе тоже верно, но в отличие от местоимений посессивные префиксы могут выражать принадлежность и в сфере имен вещного класса типа кет. *d-ugde* "длина чего-то" (*ugde* "длинный", "длина"), *d-alla* "половина чего-то" (*alla, al* "половина"), *d-u'l* "черенок чего-то" (*u'l* "черенок") и т.д., тогда как посессивные местоимения кет. *ap* "мой", *uk* "твой", *buda* "его", *bud* "ее", *atna* "наш", *akŋa* "ваш", *buŋa* "их" могут выражать принадлежность только в сфере имен мужского и женского классов (посессивные местоимения представляют собой форму родительного падежа соответствующих личных местоимений, среди которых нет местоимения, замещающего имена вещного класса).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Валл М.Н., Канакин И.А. 1990 – Очерк фонологии и грамматики кетского языка. Новосибирск, 1990.
- Гришина Н.М. 1979 – Падежные показатели и служебные слова в структуре сложного предложения кетского языка: Автореф. дис. ... на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Л., 1979.
- Гришина Н.М. 1981 – Сложноподчиненные предложения // Сказки народов сибирского Севера. Вып. 4. Томск, 1981.
- Дульзон А.П. 1962 – Аффиксация как метод передачи грамматических значений. Лекция по общему языкознанию. Томск, 1962.
- Дульзон А.П. 1964 – Очерки по грамматике кетского языка. I. Томск, 1964.
- Дульзон А.П. 1968 – Кетский язык. Томск, 1968.
- Крейнович Е.А. 1968 – Глагол кетского языка. Л., 1968.
- Крейнович Е.А. 1981 – Об изучении актуального членения предложения в кетском языке // Лингвистические исследования. Грамматическая и лексическая семантика. М., 1981.
- Максунова З.В. 1999 – Словосложение в кетском языке (на материале среднекетского диалекта): Дис. ... на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Туруханск, 1999.
- Скорик П.Я. 1961 – Грамматика чукотского языка, ч. I. М.; Л., 1961.
- Castrén M.A. 1858 – Versuch einer jenissei-ostjakischen und kottischen Sprachlehre nebst Wörterverzeichnissen aus den genannten Sprachen. SPb., 1858.
- Deeters Gerhard. 1952 – Komplexe Attribute und Possessivkomposita // IF. Bd. 60. B., 1952.
- Deny J. 1921 – Grammaire de la language turque. Paris, 1921.
- Greenberg J.H. 1968 – Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements // Universals of language. Cambridge (Mass.), 1968.
- Jacobi H. 1897 – Compositum und Nebensatz. Studien über die indogermanische Sprachentwicklung. Bonn, 1897.
- Werner H. 1997 – Die ketische Sprache // Tunguso-Sibirica. Bd. 3. Wiesbaden, 1997.